

СТАНИСЛАВ ПОЛОВНИКОВ

СКАЗКИ зудные, волшебные...

Забытое имя, забытая жизнь, забытое народное поэтическое слово, рвущееся к новому голосу. Об этом я думал, восстанавливая по осколкам трижды открытую и каждый раз забываемую, но незабвенную волшебницу русского слова Марфу Семеновну Крюкову.

Более шестидесяти лет назад деревня Нижняя Золотица, расположенная на Зимнем берегу Белого моря, была своеобразной Меккой поморской культуры. Сюда приезжали известные писатели, специалисты по фольклору, журналисты, историки, этнографы, художники, кинематографисты, краеведы, студенты, школьники и просто туристы. Десятки и сотни писем шли со всей страны. Здесь жила тогда знаменитая сказительница Марфа Крюкова. Самобытный и яркий талант, былины, сказания, сказки, старины, новины, песни, предания, поговорки, пословицы Марфы-поморки вызывали всенародный интерес, а некоторые ее произведения были включены даже в школьные учебники. Желание людей побывать в Нижней Золотице, встретиться с орденоносной сказительницей было столь велико, что советским властям пришлось построить Марфе Семеновне новый просторный дом, где она принимала многочисленных гостей...

Со временем исчезли ее произведения из школьных программ, не исполняют ее песен Северный народный хор, не издаются ее былины-сказания. Имя

Марфа Семеновна Крюкова. 1946 г.

Марфы Крюковой стало полузабытым, иссяк мощный поток желающих побывать на родине сказительницы, а дом-теремок, построенный ей и ныне занимаемый связистами, выглядит бесприютно и сиротливо.

Открытие первое

Впервые открытие поморки-сказительницы состоялось более 110 лет назад. Талантливый этнограф Алексей Владимирович Марков, еще будучи студентом Московского университета, трижды побывав в Нижней Золотице, записал 131 былину, в том числе 95 «старин» (так называли сказители былины) в семье Крюковых. От самой Марфушки, так величал молодую крестьянку московский учёный, он записал только семь былин. Остальные от деда Гани и матери ее, Аграфены Матвеевны.

В семье Крюковых было шестеро детей — три дочери: Марфа, Серафима, Павла и трое сыновей: Иван, Артемий, Зосим. Знали и пропевали сказания два деда: Гаврил Леонтьевич (Ганя), Василий Леонтьевич, Аграфена Матвеевна и ее дочери: Марфа и Павла. По признанию самой Марфы Семеновны большую часть своих старин она переняла от деда Гани и матери Аграфены Матвеевны, которая еще в конце XIX века была широко известной сказительницей.

Семен Васильевич и Артемий Семенович Крюковы — отец и средний брат Марфы Крюковой

В сказании «Как деда Ганя певал старины» она подробно об этом рассказывает:

Как споет-то мне старинушка про Киев-град,
Как про Киев-град споет же, про Чернигород,
Как про русских-то про могучих киевских богатырей,
Как охраняли киевски сильны богатыри,
Охранили-то, оберегали землюшку Россюшку,
И они не пропускали-то в Россюшку неприятелей...
Мне-ка рассказывал-то Ганя дедушко, мне сказки-ти,
Сказки чудные ведь были многие волшебные.

В 1901 году, после очередного пребывания в Нижней Золотице, прощаясь с самой молодой сказительницей, Алексей Владимирович дал Марфе наказ: «Перенимай старины, Крюкова, не бросай этого дела». С тех пор памятный наказ этнографа стал для сказительницы наказом на всю жизнь.

Встречи с ученым настолько запали в душу Марфе, что в последующем она написала сказание «Как Марков приезжал в Золотицу», где приводит его слова:

А и хоть я не работал с тобою, не позанимался же,
А и первой раз я увидел, первой раз у нас свиданьице,
А и по речам-словам твоим я ведь знаю-то все ведь
вижу-то,
А ты ведь будь, скажу, назову тебя, сочинительницею,
беломорской!

Так в мире фольклора среди известных собирателей и исследователей народного эпоса (А. В. Марков, А. Л. Маслов, Б. А. Богословский, В. Ф. Миллер) были открыты имена сказителей Крюковых, в их числе Марфа Семеновна, и зафиксированы в ученых трудах в первые годы XX столетия.

Шли годы, фольклористы больше не приезжали, на многочисленные письма А. В. Маркова Марфа не отвечала, как в том же сказании отмечала, ссылаясь, что «прежний народ-от богообразливой был, стыдливой-от». Но наказ его помнила, занимаясь крестьянским трудом и все запоминая.

В Москве в кругах фольклористов Крюковых и Марфу знали, изучали-исследовали их произведения, но в родной губернии сказителями почти не интересовались, а с лихолетием в первой трети двадцатого столетия совсем забыли.

Как жила в те трудные годы Марфа-поморка? Бывая на бельковом промысле гренландского тюленя на Белом море в Нижней Золотице, как-то зашел в Верхней Золотице (главной деревне Зимней Золотицы) в местный сельсовет. На глаза мне попалась подворная книга, датированная 1928 годом. Скажу вам, документ прелюбопытный. В историях крестьянских дворов, как в капле воды, отражается трагическая жизнь северных семей.

«Должны же все Крюковы быть записанными в главной книге деревни, — рассуждал я. — Семен Васильевич и Аграфена Матвеевна, имея многодетную семью, жили дружно, добротно, владели парусным судном, но к 1928 году судовладельцев, надо понимать, уже не было. Сыновья, женившись, выделились, видимо, в отдельные хозяйства. А дочери?»

И вот читая: «Крюков Артемий Семенович. Хозяйство № 28». Кажется, нашел, что искал. Это средний брат сказительницы. В составе двора перечисляются, кроме Артемия Семеновича, который называется хозяином, его сестры: Марфа Семеновна и Серафима Семеновна. Указываются их даты рождения. К этому времени Марфе Семеновне было 52 года. В графе «национальность» записано — «великороссы». Нравится мне это слово. От него веет вековой гордостью, видится ширь земная и мощь ее. Есть запись, что каждый в составе двора грамотный.

А далее, в четвертом разделе листа, под названием «Трудовая земля и арендованная земля», узнаю, что состав двора владел сенокосом в 1,65 гектара. В шестом разделе «Побочные заработки» в графе «Название промысла или занятия» указано: хозяин двора — кустарь-отходник. Сумма дохода, учтенная у него за год — 205 рублей, а утвержденная — 255.

Обратил внимание на раздел «Постройки». Крюковы в числе жилых и хозяйственных строений владели домом с двором, у которых «стены и крыша дере-

вянные». Год постройки — 1880. Кубатура — 6. Это означало, что в доме имелось шесть комнат.

На следующих листах обнаружились записи и о других братьях Крюковых. Младший — Зосим Семенович и его жена Иустина Михайловна — грамотные. Имели четырех дочерей и сына. Хозяин считался кустарем, владел сенокосом в 2,5 гектара, домом — семь комнат — 1915 года постройки и двором. Из живности держали корову, овец, а доходу было в хозяйстве в год сто рублей. И вдруг, читаю: «Лишен избирательских прав. Выбыл в Архангельск». Вот те на! Что за термин? Не раскулачен, а лишен избирательских прав?

Старший брат Марфы Семеновны — Иван Семенович и его жена Татьяна Васильевна — тоже грамотные. Растили трех сыновей. Старшему из них — Ивану, названному так в честь отца-капитана, было уже шестнадцать лет. Но, судя по записям, хозяин к тому времени не капитанил, а занимался кустарным промыслом. И здесь отметка: «Лишен избирательных прав. Вся семья выбыла».

Но какая разница между раскулаченными и лишенцами? Пришло обратиться за разъяснением к

матери, разменявшей по возрасту последнее десятилетие до века и тоже попавшей под жестокий каток истории. Из ее разговора-сообщения понял, что лишенцев не высыпали. Тем не менее только часть из них оставалась у родного гнезда. Вокруг лишенцев нагнеталась—создавалась такая моральная атмосфера, что многие из них не выдерживали и покидали веками обжитые места, разъезжаясь кто куда. Так случилось и с родом Крюковых, живших на Зимнем берегу Белого моря с восемнадцатого века.

Досадное чувство испытал я после прочтения подворной книги. Как и предполагал, род Крюковых, давший Русскому Северу талантливейших сказителей, последних хранителей феноменального по объему славянского фольклора, не избежал трагедии новой истории.

Но Марфа Семеновна не покинула берег морюшка Белого. Пытаясь поставить на ноги заболевшего брата, сестры продали все, что было в доме. Не спасли. В сентябре 1932 года Артемий Семенович умер. Сестры остались нищими. Серафима ушла в прачки на Зимнегорский маяк, а Марфа, как рассказывали родственники, «кусочки собирала», но сказы и былины пропе-

Задушевная беседа Антонины Яковлевны Колотиловой, основательницы Северного хора, и Марфы Семеновны Крюковой

вала. Не ведала она тогда, что каких-то несколько лет назад известная пинежская сказительница М.Д. Кривополенова вела почти такой же образ жизни.

В Верхней Золотице в разговоре Евдокия Федоровна Пономарева, родственница Крюковых, вспоминала, рассказывая о Марфе и Серафиме: «Позорились (по словарю В. Даля в смысле — мучились, маялись. — С.П.). Одежда плохая была. Нанимались на лето на разную работу. Стирали, убирали, и подаяние было».

При встрече в Архангельске с Иваном Ивановичем Крюковым во время беседы о Марфе Семеновне он неожиданно изменил тему начатого разговора.

— Лет двадцать назад был у меня, — вспоминал он, — тогда начинающий писатель Владимир Личутин. Побеседовали... А потом он в своей книге назвал мою родную тетку «Марфой-вральей». Да, правда, называли ее так в деревне. Но понимать это надо в лучшем смысле слова. Марфа-сказительница — вот как надо понимать!

Иван Иванович беспокоился, чтобы широкий читатель это словосочетание, примененное писателем, не воспринял бы в буквальном смысле. Конечно, не надо об этом беспокоиться. Все содержание рассказа Владимира Личутина «Марфа-поморка» говорит о том, что «Марфа Крюкова была не только хранительницей эпоса, но и блестящим импровизатором, создателем былинного стиха».

Но отчасти и прав Иван Иванович в своем опасении. Иные слова со временем теряют многие оттенки своего значения. Слово «враль» нынче зачастую употребляется и воспринимается буквально. В. Даль в своем словаре толкует его и как «говорун, разскащик». Но нет у Даля слова «лишенец», а есть «лишеник». И означает оно — «человек, лишенный добра и имени, прав состояния».

Открытие второе

Через тридцать три года после памятной встречи поморки с В.А. Марковым в Нижнюю Золотицу приехал ленинградский аспирант-фольклорист Владислав Чужиков. Целый месяц он вел записи от Марфы Семеновны и был поражен ее талантливым мастерством. Известный фольклорист, профессор Э.В. Померанцева в своей книге «Писатели и сказочники» пишет: «При первой же записи былин от Крюковой Чужиков был поражен размерами текстов, свободным отношением к стихотворному размеру, де-

¹ Попов Викторин Аркадьевич, литератор. По линии Союза писателей СССР был прикреплен литобработчиком к М.С. Крюковой.

² Анна Михайловна — А.М. Астахова, филолог-фольклорист, сотрудница Академии наук СССР. Неоднократно бывала в Нижней Золотице у сказительницы. Их связывала многолетняя творческая дружба. По итогам исследований устного народного творчества ею написаны множество статей и несколько книг. Летом 1937 года А.М. Астахова записала от М.С. Крюковой 40 былин.

タルностью бытовой разработки, психологизацией, которой пронизаны были все образы былинных героев».

Но это открытие было только в узком кругу специалистов. В последующем, по словам Э.В. Померанцевой, «большинство этих записей погибло» по каким-то странным обстоятельствам. «Лишь небольшая часть собранного Чужиковым материала сохранилась в архиве Государственного Литературного музея и Пушкинского дома».

Подлинное открытие поморской сказительницы в советский период совершила А.Я. Колотилова, основательница Северного народного хора, в результате которого творчество Марфы Крюковой получило широкое общественное признание и стало всесоюзно-общегосударственным. Как это случилось, Антонина Яковлевна свидетельствует в докладной записке в культпроп Архангельского обкома партии (б) 18 января 1938 года:

«В 1934 году, собирая фольклор на берегу Белого моря, в дер. Ниж. Золотица, я случайно натолкнулась на сказительницу Крюкову М.С., которая была совершенно забыта научной общественностью и жила в плохих условиях. Я с большим трудом и в течение 1/2 лет хлопотала, чтобы Крюкову показать широким массам. В 1935 г. Крюкова выступила с былинами по радио на 1-м Всесоюзном радиофестивале, за что была премирована. После этого Крюковой заинтересовались в Москве, и редакция центральной «Правды» в феврале 1937 г. вызвала Крюкову вместе со мной в Москву. В Москве предложили Крюковой создать былины на современные темы, а мне поручили работать с Крюковой по стимулу к темам и ознакомлением с событиями по теме.

Правда, Крюковой было трудно, но ее необычный творческий талант после посещения Музея т. Ленина, Мавзолея, Музея Революции и др. претворил виденное в сказ о Владимире Ильиче «Каменна Москва вся проплакала» и «Слава Сталину будет вечная» (сказ о т. Сталине). Обе эти былины-сказы напечатаны и изданы газ. «Правда»...

С тех пор они и подружились. О искренней и доброй дружбе их говорит одно из писем А.Я. Колотиловой, адресованное М.С. Крюковой:

Госкурорт Саки

Здравствуйте, Марфа Семеновна!

Посылаю тебе привет из Крыма. Здесь так жарко, что нет силы терпеть. Видела и была здесь на Черном море, красиво оно, но наше Белое море тоже хорошо. Проезжала Москву, но никого не видела. Для тебя получила деньги — 97 рублей, как только пойду на почту, пошлю перевод. В Москве мануфактуры много, может, тебе чего купить надо?

Напиши письмо.

Что тебе пишет Попов¹, где он теперь?

В Москве тоже жара. Я лечу ногу, а кабы не нога, не стала бы здесь жить, далеко от моря и жарко. Тебе бы не выдержать. Напиши, как живешь, что записывала Анна Михайловна². Я буду ждать твоё письмо. Пиши, если чего надо купить, тогда и куплю.

До свиданья.

Марфа Семеновна Крюкова в Киеве среди писателей и артистов Украины. 1939 г.

Как живет Поля³? Попроси ее для меня запасти морошки ушат — три-четыре ведра.

Пиши.

С приветом Ант. Яковл. Колотилова.

В письмо была вложена открытка с репродукцией картины Васнецова «Витязь на распутье» с надписью на обратной стороне: «Сказительнице Поморке Марфе Семеновке Крюковой от певицы артистки Колотиловой».

К сожалению, в письме не проставлена дата и не сохранился конверт, но предположительно, судя по содержанию, времени сбора морошки, а также упоминаемым фамилиям, именам, его можно отнести к концу июля — началу августа 1937 года.

Триумф

Однажды после поездки в Москву на квартиру А.Я. Колотиловой, где останавливалась Марфа Семеновна, зашла группа писателей с целью послушать былины сказительницы. Почти три часа она пропевала им свои сказания. Среди гостей находился артист Игорь Ильинский. Он необычайно был восхищен мастерством исполнения сказаний, но больше

всего его удивила феноменальная память немолодой сказительницы.

— Ну, «Евгения Онегина» наизусть — понимаю, — поражался он. — Я сам «Старосветских помещиков» наизусть читаю. Но двести листов стиха... Ну, нет, простите...

Во второй половине тридцатых годов прошлого столетия интерес к поморке-сказительнице настолько возрос, что дом ее в Нижней Золотице фактически представлял настоящую творческую научную лабораторию, объединив многих ведущих специалистов и знатоков фольклора из Москвы, Ленинграда и других городов страны. Основное их ядро составляли: Эрна Бородина-Морозова, Рахиль Липец, академик, профессор Юрий Соколов, Анна Астахова, писатели Александр Морозов, Викторин Попов. Нередко вместе с ними в роли помощников были студенты филологических факультетов Московского и Ленинградского университетов. Под руководством академика Соколова они вели большую работу по записям былин, сказаний, их научной редакции, готовили к сдаче в издательство. Ежегодно с началом навигации по Зимнему берегу Белого моря они устремлялись в Нижнюю Золотицу. И все непременно желали встретиться, поговорить со сказительницей.

Словом, круг общения Марфы Семеновны был весьма и весьма широк. Кроме того, почта сказительницы возрастила неимоверно. Сюда шли письма много-

³ Поля — Пелагея Васильевна, племянница Марфы Семеновны.

численных почитателей ее таланта из Москвы, Ленинграда, городов Украины, Кавказа, Урала, Сибири, корреспонденции газет, издательств, деловые письма из обкома партии, облисполкома, Северного народного хора, киностудий.

После знакомства с Москвой, обремененная многими впечатлениями, Марфа Крюкова, по заключению В. Чужимова «на основе богатейшего былинного запаса» пришла к созданию «новых советских былин и сказаний». Академик Ю.М. Соколов в книге «Русский фольклор» писал:

«Поэтесса сама чувствует отличие своих новых произведений от древних «старин» и, противополагая их последним, называет «новинами». Это особый жанр сказаний-поэм — одно из проявлений русского народного эпоса на новой стадии его развития».

По мнению Э.В. Померанцевой: «И там, где Крюкова идет путем свободной лирической импровизации, ей сопутствует удача. Там же, где она пытается влить новое содержание в старую форму традиционного эпоса, она неминуемо приходит к мертвоте стилизации». В стилизации особенно преуспевал В.А. Попов. Этую роль он выполнял на протяжении нескольких лет, приезжая в командировки из Москвы. Использовал свое положение в личных целях. Написал несколько новин на актуальные в то время темы, стилизую их и выдавая за литературные произведения сказительницы, чем нанес значительный моральный и профессиональный вред творчеству Марфы Семеновны.

Самой первой это почувствовала А.Я. Колотилова. Беспокоясь за судьбу талантливой сказительницы, она в той же докладной записке в обком партии 18 января 1938 года с возмущением писала:

«Вернувшись в Архангельск, Крюкова М.С., вместо того, чтобы здесь продолжить эту творческую работу (как и просила «Правда»), была комитетом по делам искусств и отделом творчества отдана в руки литературных «прихлебателей», в частности, московскому писателю Викторину Попову. Тот вместо честной работы открыл спекуляцию под творчество Крюковой и под маркой Крюковой написал и издал в различных издательствах сказы «О Чапае», «Поколен борода», «О Ленине» и др. Причем в стиле этих произведений совершенно не чувствуется стиля Крюковой, что подтвердила и т. Астахова (сотрудник Академии наук), приезжавшая в Архангельск летом 1937 г. Бессспорно, что Крюкова, при условии ознакомления с историческими данными, куда талантливее сказала бы на эти темы... Но Попов работал лишь с целью спекуляции под Крюкову в свой карман.

Крюкова же была отправлена обратно в Золотицу, где и находится сейчас без всякого наблюдения и ничего не пишет. А Попов, по сие время сидя в Москве, издает свои сочинения (последнее в журн. «Мурзилка») за фамилией Крюковой. Я считаю, что вам надлежит пресечь спекуляцию вокруг действительно талантливой сказительницы. Попова — привлечь к ответственности, а Крюкову М.С. вернуть к творческой работе.

А. Колотилова».

Заметим, что возмущение А.Я. Колотиловой, аргументированное конкретными фактами, обнаружило внутреннюю сущность людей, попавших по тем или иным причинам в окружение сказительницы. Если учесть те времена, то Антонина Яковлевна совершила смелый и мужественный поступок.

На докладной записке стоит резолюция: «Переговорить с Макаровым» (начальник управления по делам искусств при облисполкоме. — С.П.). Через два месяца в управлении облисполкома прошло совещание. Об его итогах Макаров подробно информировал обком партии. Содержание информации свидетельствует, что на совещании произошло серьезное обсуждение многих проблем, связанных с организацией творческой деятельности М.С. Крюковой. Но одновременно вновь был подтвержден статус Попова — литобработчика и консультанта. И это вызывает горький осадок в душе. Значит, кому-то это было надо...

Весной 1938 года Марфа Крюкова отправляется в творческую поездку по стране. В Москве она участвует в работе съезда сказителей, затем едет в Баку, Тбилиси, Батуми, увидела Каспийское, Азовское и Черное моря, а в сентябре ее приняли в члены Союза писателей СССР. По-прежнему во всех поездках ее сопровождает Попов. Между тем поторапливание сказительницы в необходимости написания сказов, новин о советской действительности продолжалось. Не был в этом исключением и секретарь Архангельского обкома ВКП(б) А. Никаноров. В переписке его с Марфой Крюковой в ряде писем содержатся прямые советы-просьбы.

В письме от 28 октября 1938 года он писал: «Я глубоко убежден, что у Вас будут еще большие успехи при описании наших советских современных героев.

В самом деле, разве Валентина Гризодубова, Марина Раскова, Полина Осипенко меньше герои, чем славные русские герои Добрыня Никитич, Илья Муромец и другие?..

Недавно мне пришлось быть в Москве и слышать, как руководитель Советского правительства товарищ Молотов назвал одного из стахановцев — нашего земляка товарища Заборского, лесоруба из Высокого леспромхоза в Верхне-Тоемском районе, — богатырем... Вот Вам и Никула Селянинович».

31 января 1939 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за выдающиеся успехи и достижения в развитии советской художественной литературы были награждены орденами сто два писателя, в их числе награждена Орденом Трудового Красного знамени и сказительница Беломорья. 31 марта 1939 года в Кремле М.И. Калинин вручил орден М.С. Крюковой. В этом же году сказительница познакомилась с некоторыми городами Украины, побывала на родине Тараса Шевченко и по случаю его 125-летия со дня рождения участвовала в торжествах в Киеве, а в Москве в это время вышел в свет первый том «Былины М.С. Крюковой».

Основные герои ее былин: великие киевские, мос-

ГЛАВА XV
КАК Я ЕЗДИЛА ПО ЗЕМЛЕ СОВЕТСКОЙ

Уж я была-то всё да я и ездила
 И как во дальниу-ту путь я, во дорожечку,
 И как во славну-ту я все во хвальнюю
 И как в красавицу я в каменну Москву,
 И я во стольний-от град народа советского.
 Я и ведь и всего-то всё посмотрела,
 И я всего-то все и поглядела:
 И видела кремль-то стену да все московскую
 И как с высокими я все со башнями,
 И со красными звездами все с блестящими,
 И как на той на башне на высокой,
 И как ведь со стеклами все со восточными,
 И как на той башне да на высокой,
 И на высокою славной кремлевской
 И как день и ночь стоит наш всё дорогой же вождь,
 И дорогой вождь да славной мудрой Сталин-свет,
 И славной мудрой наш а всё же Сталин-свет,
 И как Иосиф-от свет наш Виссарионович.
 И он стоит у нас ведь в платьицах военных,
 А во белых-то ручках держит он трубочку,
 И держит трубочку он всё подзорную.
 И зорким взглядом-то он смотрит все, просматривает,
 И он глядит-то все, да он проглядывает,
 Чтобы черной ворон-от да не залетел-то,
 Чтобы лихой зверь не забежал же к нам,
 И гад ползучий-от не заполз же к нам,
 Чтобы змея шипучая не показалася.
 И долго жить-то всё да много здравствовать
 И дорогому вождю да мудру славну Сталину,
 Как Иосифу-ту свету Виссарионовичу,
 И он ведь как делал-то всё да, свет, пожаловал,
 И как молодым людям дал он ученьице,
 И он ученьице дал он, образованьице,
 И он ведь старым-то да людям древним
 И он ведь дал все да пропитаньице,
 И всех поит-то он да всех ведь нас кормит,
 Обувает и одевает нас одеждами,
 И все приодеты-то всё, приобуты.